

В. А. Томсинов

Право собственности в проекте Гражданского уложения Российской империи конца XIX – XX века

Опубликовано под названием
«Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века. Статья 6»
в журнале:

Законодательство. 2015. № 7. С. 88–94

В квадратный скобках **красной цифрой** указан номер следующей страницы

[88] Одним из главных мотивов, побудивших российское правительство приступить в 1882 году к разработке проекта Гражданского уложения, являлось, как уже отмечалось, неудовлетворительное состояние гражданского права страны. Неслучайно первые шаги тогдашнего министра юстиции Д.Н. Набокова были направлены на выявление недостатков и пробелов в действовавших гражданских законах Российской империи. В октябре 1882 года Дмитрий Николаевич обратился с просьбой представить в Министерство критические замечания на первую часть десятого тома Свода законов к учреждениям и лицам судебного ведомства, а также к юридическим обществам и профессорам юридических факультетов. В 1891 году систематизированное собрание присланных в Министерство юстиции замечаний о недостатках гражданских законов было издано отдельной книгой объемом около 800 страниц. В предисловии к ней говорилось, что «замечания на статьи 1 ч. X т. расположены в порядке статей этой части в издании 1857 г., причем в выносках указаны изменения по изданию 1887 г.»¹.

Мнения, касавшиеся институтов вещного права, заняли в этой книге десятую долю ее содержания. Судебные деятели оказались на редкость едины в оценке 420-й статьи Свода законов гражданских

¹ См.: Замечания о недостатках действующих гражданских законов. Издание редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения. СПб., 1891. С. II.

редакции 1857 года, гласившей: «Кто быв первым приобретателем имущества, по законному укреплению его в частную принадлежность, получил власть, в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распорядиться оным вечно и потомственно, доколе не передаст сей власти другому, или кому власть сия от первого ее приобретателя дошла непосредственно или чрез последующие законные передачи и укрепления: тот имеет на сие имущество *право собственности*»².

«Крайне необходимо, — подчеркивал в своих замечаниях Черниговский окружной суд, — чтобы гражданские законы содержали в себе точное и ясное определение того, что следует признавать правом собственности. Остановливаясь же на статье 420 т. X ч. 1, нельзя не признать, что эта статья по своей редакции такого точного определения права собственности [89] не содержит, и что следовало бы ее изложить в том смысле, как определил право собственности гражд[анский] кас[сационный] департ[амент] Сената в своем решении 1871 г. № 1219, а именно: “Право собственности есть право данного лица на полное господство над имуществом, с отстранением всякого постороннего вмешательства, и оно складывается из трех прав: права владения, права пользования и права распоряжения”³. После такого определения права собственности

² Свод законов Российской империи, повелением императора Николая Павловича составленный. Том 10. Часть 1. Законы гражданские. СПб., 1857. С. 80.

В первоначальном варианте Свода законов Российской империи, напечатанном в 1832 г., эта статья первой части десятого тома была 262-й (см.: Свод законов Российской империи, повелением императора Николая Павловича составленный. Том 10. Свод законов гражданских и межевых. Часть 1. Законы гражданские. СПб., 1832. С. 61). В редакции Свода законов 1842 г. она стала 388-й (см.: Свод законов Российской империи, повелением императора Николая Павловича составленный. Том 10. Свод законов гражданских и межевых. Часть 1. Законы гражданские. СПб., 1842. С. 68).

³ Указанное решение кассационного департамента Сената цитируется здесь явно по памяти, поскольку оригинальный его текст является следующим: «Право собственности, как право исключительного полного кого-либо господства над вещью (имуществом движимым или недвижимым) согласно его воле в пределах закона, вмещает в себе правовую способность собственника владеть, пользоваться и распорядиться одному принадлежащую ему вещью, с отстранением всякого стороннего вмешательства» (Систематический сборник положений и извлечений из гражданских кассационных решений за десять лет (1866–1875) по гражданскому

Гражданское уложение должно бы содержать статью, определяющую различие собственности: на собственность частных лиц и собственность юридических лиц, без подробного их перечисления, но с точным, по возможности, определением того, что следует признавать понятием юридического лица»⁴.

Мировой судья Херсонского округа Василий Степанович Чеважевский⁵ отмечал в своей критике 420-й статьи Свода гражданских законов: «Постановления нашего X тома о праве собственности вообще и затем дальнейшие ограничения этого права вводят немалую путаницу в наши гражд[анские] правоотношения в тех случаях, когда дело коснется процессуального разрешения спорных правоотношений по вопросам права собственности. Законное определение права собственности выражено в 420 ст. X т. ч. 1. Нельзя признать этого определения вполне точным и полным и настолько определенным, чтобы под это определение подходили все конкретные случаи с признаками, указывающими на наличность и возможность применения к этим случаям понятия о праве собственности полном; напр[имер], можно указать на случаи прав собственности на недвижимость — усадебные места с домами в так называемых владельческих местечках, где, хотя усадебные места с домами переходят от первоначальных приобретателей к другим лицам по актам укрепления, потомственно по наследству, но с правом все-таки уплаты владельцу известной платы за землю. Такого рода владельческих местечек много находится в юго-западном крае и в Таврической губернии — м. Каховка, в Херсонской — м. Нововоронцовка. В данном случае, хотя право собственности на недвижимые имущества и сохраняет все признаки полного права собственности, но, с другой стороны, является и ограниченным, давая права владельцу устанавливать известный оброк на земельную усадебную собственность частных лиц и, таким образом, с этой стороны,

праву. С приложением систематического и алфавитного указателей. Составил Г. Вербловский (член Воронежского Окружного суда). Воронеж, 1878. С. 47–48.

⁴ Замечания о недостатках действующих гражданских законов. С. 228.

⁵ Свою судебную деятельность В.С. Чеважевский описал в мемуарах, извлечения из которых были опубликованы в 1916 г. См.: *Чеважевский В. С.* Из воспоминаний о службе по судебному ведомству // Русская старина. 1916. Т. 167. № 7. С. 64–95. № 9. С. 384–398.

ограничивая и полное их право собственности на принадлежащие этим лицам недвижимые имущества»⁶.

Завершая изложение своих замечаний на статьи о праве собственности в действовавшем Своде законов гражданском, судья В.С. Чеважевский сделал вывод о необходимости «исключения сепаратизма» из общего строя российских гражданских правоотношений. «А потому, — заключил он, — дело юридической науки создать такого рода точные и общие определения данных юридических институтов материального права, чтобы под эти определения подходило возможно больше конкретных случаев, как родовых изменений данного родового понятия»⁷.

Замечания председателя Кирилловского съезда мировых судей И.М. Тютрюмова показывают, что он не разделял мнения В.С. Чеважевского о необходимости исключить сепаратизм в гражданском праве и создать общие определения вещных институтов. Игорь Матвеевич полагал, что различия между правовыми явлениями настолько значительны, что подогнать их [90] под общие понятия практически невозможно. «Несмотря на природное и естественное несходство между собою движимых и недвижимых имуществ, к обеим категориям имуществ, подведенных под общее понятие вещей, как предметов частного обладания, применяют одни и те же юридические правила, — констатировал он, чтобы далее заявить: — Но с этим едва ли можно согласиться, так как некоторые существенные свойства движимых вещей, уже по самой природе вещей, не могут быть применимы к праву на землю... Поэтому применение одних и тех же правил к движимым и недвижимым имуществам будет несогласным с природою этих имуществ, и особенно это приложимо к нашему государству, где получило большое значение т.н. общинное землевладение»⁸.

При этом И.М. Тютрюмов был согласен с В.С. Чеважевским в оценке 420-й статьи Свода законов гражданских. Он утверждал, в частности, что «право собственности, на котором почти исключительно сосредоточено внимание закона в отделе вещных прав, по

⁶ Замечания о недостатках действующих гражданских законов. С. 232.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 230–231.

Своду определено крайне неточно и неправильно; и даже самая 420 ст., определяющая право собственности, не говоря о крайне неудачной редакции и излишнем многословии, подает повод к большим недоразумениям»⁹.

При выработке формулировки статьи 755 третьей книги проекта Гражданского уложения, посвященной праву собственности, приведенные мнения были учтены. В отличие от статьи 420 первой части десятого тома Свода законов издания 1857 года, указанная статья проекта ничего не говорит о правомочиях собственника, но лишь кратко обозначает основополагающие свойства собственности как правовой категории: «Право собственности есть право полного и исключительного господства лица над имуществом, насколько это право не ограничено законом и правами других лиц»¹⁰.

В объяснениях к этой формулировке было отмечено, что она «заменяет собою ст[атьи] 420, 421 и 423 т. X ч. 1, причем по возможности устранены недостатки редакции действующего закона. Соответственно сему в статье 755 проекта нет указания ни на способы приобретения и прекращения права собственности, ни на отдельные права, входящие в состав его, ни на вечность и потомственность этих прав. Статья эта не различает право собственности лиц физических и юридических, а также термин “собственность” от термина “право собственности”; она не допускает деления права собственности на полное и неполное и не смешивает его с другими вотчинными правами»¹¹.

Общая оценка представленного в проекте Гражданского уложения понятия права собственности исходила из его сравнения с трактовкой этого института в действовавшем гражданском законодательстве Российской империи. Она гласила: «В ст[атье] 755 проекта более точным образом, нежели в действующем законе, определяется самое понятие о праве собственности и установлены пределы его осуществления. В этом отношении проект, оставаясь на почве действующего законодательства, вместе с тем руководствовался

⁹ Там же. С. 230.

¹⁰ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / Под ред. И.М. Тютрюмова / Сост. А.Л. Саатчиан. Том 1. СПб., 1910. С. 606.

¹¹ Там же.

воззрениями, господствующими в современной юриспруденции, а равно постановлениями иностранных кодексов»¹².

Под «воззрениями, господствующими в современной юриспруденции» в приведенных объяснениях к третьей книге проекта Гражданского уложения подразумевались взгляды на содержание права собственности немецких правоведов второй половины XIX века — таких, как Бернхард Виншейд (Bernhard Windscheid, 1817–1892), Генрих Дернбург (*Heinrich Dernburg*, 1829–1907) и др. Эти авторитетные ученые отвергали его понимание как совокупности отдельных правомочий собственника. Редакционная комиссия по составлению проекта Германского гражданского уложения разделяла это воззрение, о чем [91] свидетельствует параграф 848 третьего тома «Мотивов к проекту Гражданского кодекса для Германской империи», посвященный содержанию собственности (*Inhalt des Eigenthumes*)»¹³.

Формулировка статьи 755 третьей книги проекта Гражданского уложения Российской империи показывает, что и российские правоведы в конце XIX века отказались от понимания права собственности как совокупности отдельных правомочий, которое было выражено в 420-й статье первой части десятого тома Свода законов.

Товарищ обер-прокурора 2-го общего собрания Правительствующего Сената К.П. Змирлов, опубликовавший в «Журнале гражданского и уголовного права» в течение пяти лет (с № 8 за 1882 г. по № 9 за 1887 г.) серию из 24 статей под общим названием «Недостатки наших гражданских законов», подверг самой острой критике методологический подход составителей первой части десятого тома Свода законов Российской империи к определению и описанию права собственности¹⁴, но при этом признал допустимость трактовки права

¹² Там же.

¹³ Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Band 3. Sachenrecht. Zweite unveränderte Auflage. Berlin, 1896. S. 262–263.

¹⁴ См. об этом: Змирлов К.П. О недостатках наших гражданских законов // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. № 5. С. 95–103. Константин Павлович писал здесь, в частности, о 420-й статье указанного тома Свода законов: «Итак, оказывается, что отличительная черта права собственности на имущество заключается во власти собственника *вечно и потомственно* владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом. Таким образом можно предположить, что

собственности как совокупности правомочий собственника относительно имущества. По его словам статья 420 отличается, кроме «канцелярской неумелости», также неопределенностью и сбивчивостью формулировки. «Вместо того, чтобы определить право собственности как право владения, пользования и распоряжения имуществом по своему усмотрению, подлежащему ограничению лишь в точно указанных в законе случаях, составители X т. дали самое тяжеловесное и неудобопонятное определение»¹⁵.

В 1894 году профессор юридического факультета Казанского университета Г.Ф. Шершеневич при рассмотрении в своем «Учебнике русского гражданского права» вопроса о понятии права собственности дал оценку предпринятой в 420-й статье первой части десятого тома Свода законов попытке определить этот институт путем перечисления правомочий собственника. «*Положительный признак права собственности, — отметил он, — заключается, по указанию закона, в соединении владения, пользования и распоряжения. Владение, как мы видели, есть фактическое господство над вещью. Пользование состоит в извлечении из вещи тех выгод, которыми определяется ее экономическое значение. Наконец, распоряжение дает возможность совершения различных, возмездных и безвозмездных сделок, имеющих своим объектом эту именно вещь. Такое перечисление отдельных прав, соединенных с правом собственности, не может быть признано удачным. Во-первых, невозможно перечислить все отдельные права. Во-вторых, если для понятия о праве собственности существенны все три указанные момента, то отсутствие одного из них должно бы устранить наличность права собственности. Между тем законодатель сам различает полное право собственности, когда владение, пользование и*

имущества, подлежащие скорой порче и тлению и все вообще потребляемые вещи, не могут быть предметом права собственности. Но такой вывод очевидно не сообразен с юридическою природою права собственности, предметом которой являются все вещи, подлежащие гражданскому обороту и могущие быть предметом частного обладания. Итак, вечное и потомственное владение, пользование и распоряжение не составляет существенного и всегда необходимого признака права собственности. При том самое слово *вечное* как-то странно звучит в гражданских законах — временных по своей природе и не имеющих дела с какими бы то ни было вечными и неизменными явлениями» (там же. С. 96).

¹⁵ Там же. С. 95–96.

распоряжение соединяются в одном лице (т. X, ч. 1, ст. 423) и неполное право собственности, когда от него отделяется один из трех указанных моментов (т. X, ч. 1, ст. 432), следовательно признает право собственности и в тех случаях, когда оно не соединяется с владением или пользованием или распоряжением»¹⁶.

Свою критику понимания права собственности в качестве совокупности право[92]мочий собственника Г.Ф. Шершеневич повторил в последующих изданиях «Учебника русского гражданского права». Но при этом параграф, посвященный определению этого института Габриэль Феликсович стал начинать со слов о том, что «определение права собственности представляет значительные затруднения, несмотря на видимую его простоту и ясность. До сих пор в науке не установлено точное понятие о нем»¹⁷.

В объяснениях к 755 статье третьей книги проекта Гражданского уложения отказ от определения права собственности путем перечисления отдельных прав, входящих в его состав, был оправдан, *во-первых*, тем соображением, что «вполне перечислить все права, принадлежащие собственнику, невозможно», а *во-вторых*, логикой, по которой признание права собственности не самостоятельным целым, но лишь суммой указанных в законе отдельных правомочий собственника неизбежно влечет за собой отрицание существования права собственности «в тех случаях, когда какое-либо из этих отдельных прав, в силу того или иного основания, не принадлежит собственнику. Между тем даже если низвести право собственности до *nudum jus*¹⁸, то и в таком случае оно останется тем же правом собственности, а не преобразится в какое-либо иное право»¹⁹.

В объяснениях, данных редакционной комиссией к 756 статье рассматриваемой книги проекта Гражданского уложения, мысль о

¹⁶ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1894. С. 172.

¹⁷ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е издание. М., 1911. С. 234. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 11-е издание, первое посмертное, просмотренное и дополненное по поручению юридического факультета Императорского Московского университета пр.-доц. В.А. Краснокутским. Том 1. М., 1914. С. 278.

¹⁸ То есть «голого права», лишенного конкретных субъективных прав или правомочий — В.Т.

¹⁹ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. С. 607.

том, что право собственности не может сводиться к сумме отдельных правомочий собственника, была выражена убедительнее. Указанная статья гласила: «Собственнику принадлежит право на владение имуществом, с устранением всякого постороннего воздействия и вмешательства». Редакционная комиссия сочла необходимым сопроводить ее следующим, весьма интересным замечанием: «Право собственности есть самостоятельное целое, а не только сумма заключающихся в нем отдельных прав. На этом основании современная наука не определяет понятия собственности посредством перечисления принадлежащих собственнику прав. Вместе с тем, однако, казалось полезным упомянуть и в самом законе о тех правах собственника, кои наиболее часто встречаются в действительности. А так как права *владения, пользования и распоряжения* являются главнейшими правами, вытекающими из права собственности, то им посвящены ст. 756–758 настоящего проекта, следующего в этом отношении примеру многих иностранных законодательств (Гр[ажданское] ул[ожение] Австр[ии], ст. 362, Сакс[онии], ст. 219–221 и Черног[ории], ст. 93), которые точно также, не вводя в определение права собственности указания на права владения, пользования и распоряжения, в последующих статьях тем не менее особо упоминают о них. Но дабы не придавать этим правам значения моментов, которыми вполне исчерпывается все содержание права собственности, означенные статьи проекта указывают лишь, что права эти *принадлежат* собственнику, а вовсе не выражают той мысли, что собственность состоит только из этих прав»²⁰.

Статья 757 третьей книги проекта Гражданского уложения называла еще одно правомочие собственника. В ней говорилось, что «собственнику принадлежит право пользования имуществом: он вправе извлекать из имущества всякого рода доходы и вообще употреблять имущество по своему усмотрению»²¹. Эта формулировка права пользования отличалась от соответствующей ей формулировки в 425 статье первой части десятого тома Свода законов, гласившей: «По праву полной собственности на имущество, владельцу

²⁰ Там же. С. 609–610.

²¹ Там же. С. 611.

принадлежат все плоды, доходы, прибыли, приращения, [93] выгоды и все то, что трудом и искусством его произведено в том имуществе»²².

Редакционная комиссия по составлению Гражданского уложения признала, что совершенно полного, неограниченного права собственности в действительности не существует, и поэтому сочла излишним представлять пользование основанным на праве полной собственности. Вместе с тем комиссия руководствовалась в данном случае и тем соображением, что в определенных случаях собственник может и не иметь права пользования на то или иное имущество, но тем не менее оставаться собственником.

758 статья третьей книги проекта Гражданского уложения предусмотрела, что *«собственнику принадлежит право распоряжения имуществом: он вправе отчуждать имущество, устанавливать на нем права в пользу других лиц и производить в имуществе всякого рода изменения»*²³.

В Своде законов Российской империи правомочию распоряжения были посвящены статьи 541 и 542 первой части десятого тома. Первая из них гласила: «Право распоряжения в соединении его с правом собственности, состоит во власти отчуждать имущество в пределах, законом означенных, и отдавать оное в пользование другому посредством найма, ссуды и других договоров»²⁴. Следующая статья допускала самостоятельное существование права распоряжения, в обособленности от права собственности. Ею устанавливалось, что «право распоряжения не иначе может отделяться от права собственности, как или по доверенности, данной от владельца другому, или по закону, когда имущество подвергается запрещению в совершении купчих и закладных крепостей, или секвестру в его управлении, или опеке»²⁵.

Как видим, статья 758 третьей книги проекта Гражданского уложения воспроизвела в новой редакции статью 541 из действовавшего свода законов гражданских, но ничего не восприняла из статьи

²² Свод законов Российской империи, повелением императора Николая Павловича составленный. Том 10. Часть 1. Законы гражданские. СПб., 1857. С. 81.

²³ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. С. 612.

²⁴ Свод законов Российской империи, повелением императора Николая Павловича составленный. Том 10. Часть 1. Законы гражданские. С. 104–105.

²⁵ Там же. С. 105.

542, предполагавшей самостоятельное существование права распоряжения. Составители проекта Гражданского уложения исходили из того, что это право не может существовать независимо от права собственности и умолчали о какой-либо возможности их разъединения.

В объяснениях, данных редакционной комиссией по составлению Гражданского уложения к 758 статье, было заявлено, что «распоряжение, как и владение и пользование, не составляет исключительной особенности одного лишь права собственности, но принадлежит также, до известной степени, и лицам, имеющим право в чужом имуществе, напр[имер], наследственному оброчному владельцу и пользовладельцу, нанимателю. Однако принадлежащее собственнику право распоряжения составляет существенную часть права собственности, так как, если собственник *вполне* лишен права распоряжения, а не только ограничен в этом праве, то тем самым его право собственности устраняется»²⁶.

Представленное в проекте Гражданского уложения понимание сущности права собственности раскрывалось и в 759 статье третьей его книги, которая устанавливала следующее правило: «*Право собственности признается свободным от обременений в пользу других лиц, пока противное не доказано*»²⁷. В приведенной формулировке выражался принцип, который можно назвать «**презумцией свободы собственности**».

Конечно, права собственности, полностью свободного от каких-либо ограничений или обременений, не бывает. Да и общество не заинтересовано в существовании лиц, неограниченно пользующихся и распоряжающихся своим имуществом. Редакционная комиссия по составлению Гражданского уложения предельно ясно это сознавала и в своих объяснениях к статьям, регулирующим имущественные отношения, [94] старалась выразить мысль о том, что нормальное состояние права собственности предполагает его ограничение как законом, так и правами других лиц. Однако после отмены крепостного права, когда освобожденные от ярма крепостничества

²⁶ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. С. 612.

²⁷ Там же. С. 613.

крестьяне получили в собственность и постоянное пользование земельные наделы, стали часто возникать споры относительно тех или иных ограничений имущественных прав крестьян на эти наделы.

Так, в 1885 году в гражданском кассационном департаменте Правительствующего сената рассматривалась жалоба крестьян села Березяков Киевской губернии на решение Киевской судебной палаты по их спору с помещиком Антоном Березовским о принадлежности леса, расположенного на пространстве земельного надела в 216 десятин, полученного ими на основании принятого 19 февраля 1861 года Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. В документах, юридически оформивших передачу крестьянам земли, ничего не было сказано о праве собственности на растущий на ней лес. Поэтому помещик Березовский решил, что крестьяне получили только право пользования сенокошением на переданной им земле, а лес остался в его собственности. Киевская судебная палата встала на сторону помещика, руководствуясь чисто формальными соображениями. Однако Правительствующий Сенат, рассмотрев это дело, признал, что отсутствие в документах о передаче земельного надела крестьянам указаний о принадлежности леса не дает оснований отказать крестьянам в праве собственности на него, что «за помещиком не может быть признано право собственности на какой-либо участок среди крестьянских наделов, если о таковых правах его не оговорено особливо в выданной крестьянам данной»²⁸.

Подобных решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената было немало²⁹. Они выносились на

²⁸ Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.). С подробными предметным, алфавитным и постатейным указателями, составленными под редакцией опытных юристов. За 1885 год. № 2-132. Екатеринослав, 1905. С. 420.

²⁹ См., например, решение гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, вынесенное в 1876 г., в котором было заявлено: «Ограничение права собственности правом постороннего участия составляет изъятие из общих правил, определяющих пространство прав собственника недвижимого имущества. Посему право участия частного не может быть подразумеваемо. В каждом данном случае это право может быть признано принадлежащим постороннему лицу лишь при установлении онаго или силою закона, или по договору» (Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.). С подробными

основе принципа **презумции свободы собственности**, согласно которому существование тех или иных ограничений или обременений права собственности никогда не подразумевается, но должно быть установлено на основе достоверных фактов.

Это означает, что содержание статьи 759 третьей книги проекта Гражданского уложения стояло на прочном фундаменте судебной практики.